

Живое чудо света

«Мишка косолапый по лесу идёт, шишки собирает, песенку поёт», — этот стишок, зазубренный к какому-то детсадовскому празднику лет эдак тридцать с хвостиком назад, совершенно неожиданно всплыл из подсознания во время прогулки по переславскому дендрологическому саду. Никогда не склонная к собирательству разных жёлудей-корешков, я с каким-то маниакальным упорством набивала свою сумочку всевозможными шишками. Устоять было невозможно: никогда ничего подобного я не видела.

Вот представьте себе: аккуратненькая, чуть меньше еловой шишечка, но семена, кокетливо подогнутые с одного края, расположены не внутри, а снаружи, в шахматном порядке. Очень напоминает модные в этом сезоне женские причёски с подвитыми вверх кончиками прядей. Это плод лжетсуги, очень симпатичного хвойного дерева, распространённого в Северной Америке. Она была обнаружена ещё в XVIII веке, но почти до конца XIX, до своего переселения в Европу, оставалась безымянной. Звали её то ёлкой, то сосной, то пихтой — кому что больше напоминала. И только с получением европейской прописки дерево было выделено в особый род. У себя на родине лжетсуга вымахивает ого-го — до ста метров, ствол до четырёх метров в диаметре. В переславском дендрарии она, конечно, не доросла до столь гулливерских размеров, но зато ни в одном ботаническом саду средней полосы нет такого количества и сортов лжетсуги, как у нас, в Ярославской области.

Все эти подробности из жизни деревьев и растений я узнала от заведующей дендросадом Любови Ивановны Телегиной. Своему детищу она отдала 27 лет жизни и может смело утверждать, что у неё все деревья в лесу сосчитаны — их около 70 тысяч экземпляров.

А обязано своим рождением это уникальное творение человеческих рук заслуженному лесоводу России Сергею Фёдоровичу Харитонову. Сейчас дендрологический сад носит его имя. На огромной площади, около 60 гектаров, собрано свыше 600 таксонов (то есть наименований) деревьев и кустарников. Здесь представлена флора Сибири и Дальнего Востока, Японии и Китая, Северной Америки, Средней Азии, Крыма и Кавказа.

Сергей Фёдорович, первый почётный гражданин города Переславля-Залесского, был удивительным человеком — высокообразованным (закончил две академии, высшие педагогические курсы, аспирантуру) и бесконечно преданным своему делу. Огромное желание обогатить родные края, несмотря на суровые климатические условия, стало в 50-е годы смыслом его жизни. На своём приусадебном участке в 15 соток он впервые попытался акклиматизировать многие ценные породы деревьев. В 1960 году Переславскому лесничеству была выделена земля под закладку маточного плодового сада. Плодового — в первую очередь, потому что это было знакомо и понятно тогдашним государственным мужам, а уж опытные посадки — так, между делом. Но пятнадцать лет спустя трудами и заботами Сергея Фёдоровича был создан коллекционный дендрарий, который Карловским университетом города Праги был зарегистрирован в Международном каталоге ботанических садов.

Сегодня за всем этим великолепием ухаживает крошечный штат сотрудников — 11 человек. Как им удаётся поддерживать на такой огромной территории чистоту, непонятно. Раньше, в советские времена, на уборку приходили и школьники, и солдаты из расквартированной в Переславле воинской части. Теперь времена изменились, и первый вопрос, который задают школяры: «А сколько мы за это получим?» Узнав, что не более 500 рублей, разочарованно растворяются в посадках. Однако недавно дендросад был передан подчинён национальному парку. Появились ставки экскурсоводов, методистов, стали проходить уро-

ки экопросвещения. Так что, по словам Любви Ивановны, чистота поддерживается как-то сама собой.

Старая часть дендросада высаживалась, как говорит заведующая, по-лесниковски, рядами. И теперь эти тенистые аллеи из-за своей загущенности проигрывают новой части сада, созданной по принципам современного ландшафтного дизайна. Посадки последних десятилетий разбиты по секторам. Здесь, неторопливо прогуливаясь между диковинными деревьями, можно путешествовать из Японии в Китай, из Северной Америки на Дальний Восток — в каждом секторе собраны растения, распространённые в этих странах. Вот бархат амурский, или, как его называют в народе, пробковое дерево, с удивительно пластичной, как пенопласт, древесиной. Это реликтовое дерево, пращуры которого росли и во времена динозавров. Однако у современных двуногих обитателей планеты пробковое дерево вызывает не восхищение, а лишь желание отковырнуть кусочек коры. И даже не на память — вон сколько их валяется под ногами, а просто так, ради самого процесса отколупывания. Но Любовь Ивановна на особый вандализм переславцев не жалуется, молится только об одном — чтобы не было неумышленных, от брошенной сигареты, поджогов. Хотя она могла бы порассказать, как под Новый год все хвойные буквально атакуются горожанами.

Народу, похоже, всё равно, что обматывать мишурой — ёлку-палку, которой в базарный день цена червонец, или особый вид канадской ели, или ту же лжетсугу. Лишь бы иголки были. Однако на особо рьяных вандалов находится управа. Одному такому любителю ценных хвойных пород деревьев грозит от трёх до пяти лет за то, что порадовал домашних под Новый год срубленной селекционной пихтой.

Есть и ещё одно досадное соседство — кладбище. От дендросада его отделяет чисто символическая ограда. И хоть кол на голове теши, но за лапником непременно наведываются скорбящие в дендросад.

Чтобы иметь в кармане хоть какую-то живую копеечку, в дендросаду сделали питомник. Здесь выращивают на продажу саженцы яблони, груши, сливы, это уже оценили по достоинству дачники. Но есть и экспериментальные гряды. Вот, к примеру, красный дуб, американский гость. Он так хорошо прижился в нашей полосе, что можно смело его предлагать «Горзеленстрою» для массового тиражирования — создания ландшафтного дизайна средне-русских городов. Забавно, что у крошечных саженцев в питомнике распорядок жизни как у людей. По мере подрастания их переводят из «детсада» в «школу», она так и называется — школка, то есть из теплицы высаживают в открытый грунт.

По дендросаду можно бродить бесконечно. Весной, в период цветения, и осенью, предвкушая долгую зимнюю спячку, он поражает тропическим всполохом разноцветья. Моя прогулка состоялась нынешней весной. Перенасыщенный впечатлениями мозг уже отказывался запоминать новые названия. Одной только ели, оказывается, вон сколько разновидностей: «аянская», «глена», «енгельмана», «канадская», «колючая», «корейская», «красная», «сербская», «шероховатая»...

Впрочем, обо всём этом живом чуде дома напомнят шишки. А сломанная ветром и взятая на память веточка селекционной пихты — одна сторона у неё серебристая, японская, а обратная, дальневосточная, темно-зелёная — уже больше месяца стоит в маленькой вазочке на письменном столе и даже дала молодые побеги.